

Скопинъ-Шуйскій. Въ это время другіе отряды тушинцевъ двигались на сѣверъ, и болѣе 20 городовъ должны были признать власть «Вора». Своими грабежами тушинцы скоро возбудили недовольство сѣверянъ и былъ положенъ конецъ ихъ завоеваніямъ. Сначала возсталъ городъ Устюгъ, къ нему присоединилась Вологда, Нижній-Новгородъ, Владимиръ, купцы Строгановы пришли на помощь и общими силами тушинцы были изгнаны изъ сѣверныхъ городовъ.

А у московскаго царя не было силы избавиться отъ тушинцевъ. Пришлось за помощью обратиться къ иноземцамъ. Онъ посылалъ своего племянника князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго къ шведамъ, для переговоровъ о союзѣ. Шведскій король согласился оказать помощь русскимъ и далъ отрядъ въ 6 тысячъ человекъ подъ начальствомъ Делагарди, но за эту помощь московскій царь отказался отъ всякихъ притязаній на Ливонію, уступилъ Швеціи городъ Корелу съ уѣздомъ и обязался быть вѣчнымъ союзникомъ шведовъ противъ Польши.

Главное начальство надъ соединеннымъ войскомъ шведовъ и русскихъ поручено было князю Скопину-Шуйскому. Походъ этого молодого и талантливаго князя начался очень удачно: онъ разсѣялъ одну за другой шайки тушинцевъ и шелъ на выручку къ Москвѣ. Поляки сняли осаду съ Троицкой лавры. Въ это время польскій король Сигизмундъ въ отмщеніе русскимъ за союзъ со шведами отправился въ походъ на Русь и осадилъ Смоленскъ. Но здѣсь его встрѣтило сильное сопротивленіе: Смоленскъ былъ хорошо укрѣпленъ, въ немъ находился сильный гарнизонъ подъ начальствомъ искуснаго воеводы Шеина. Требовались Сигизмунду большія силы, а ихъ-то у него и не было. Тогда онъ обратился къ польскимъ шляхтичамъ, что стояли въ Тушинѣ, съ просьбою помочь своему королю. Большинство польскихъ пановъ отказали ему въ помощи. Они рѣшили сами владѣть Москвой, ибо не хотѣли награбленной добычей дѣлиться съ королемъ. Только Сапѣга и простые поляки пошли на помощь королю. Словомъ, въ Тушинѣ начались раздоры. «Воръ», угрожаемый съ одной стороны ополченіемъ Скопина, а съ другой — польскимъ королемъ, переодѣвшись крестьяни-

номъ, въ простыхъ саняхъ бѣжалъ въ Калугу. Къ нему туда пришелъ князь Шаховской съ казаками. Тушино постепенно стало пустѣть: поляки частью отправились на службу къ королю, а частью пошли бродить по Руси съ цѣлью грабежа. Казаки перешли къ «Вору» въ Калугу. Московскіе люди или шли въ Калугу къ «Вору» или съ повинною къ московскому царю.

Скоро ушелъ изъ Тушина послѣдній отрядъ подъ начальствомъ Рожинскаго, при чемъ сами тушинцы сожгли свой станъ.

Въ Москву прибылъ Скопинъ со своими войсками и собирался вести ихъ на освобожденіе Смоленска. Уничтоженіе Тушина и прибытіе Скопина хорошо повліяло на москвичей — они успокоились. Скопинъ-Шуйскій сталъ народнымъ героемъ. Его считали преемникомъ на русскомъ престолѣ по смерти бездѣтнаго Василія. Еще когда Скопинъ только шелъ къ Москвѣ, Прокопій Ляпуновъ предлагалъ ему стать царемъ на Москвѣ, а Василія низложить. Скопинъ не согласился. Но свѣтлыя мечты москвичей скоро разсѣялись: въ апрѣлѣ 1610 года Скопинъ внезапно умеръ, — умеръ, когда онъ особенно былъ нуженъ своему отечеству.

Сверженіе Шуйскаго. Въ это время къ Москвѣ шелъ отправленный Сигизмундомъ отрядъ поляковъ подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго. Царь выслалъ противъ него войско и начальство надъ нимъ поручилъ своему брату Дмитрію Шуйскому, надменному, пустому щеголю. При деревнѣ Клупинѣ Жолкѣвскій на-голову разбилъ Дмитрія и быстро подвигался къ Москвѣ.

Отъ Калуги шли на Москву казачкіе отряды Тушинскаго Вора. Посланные отъ казаковъ говорили москвичамъ: «Вы оставьте своего царя Василія, а мы оставимъ своего, и тогда все вмѣстѣ пойдемъ на Литву». Положеніе Василія Шуйскаго было самое плачевное. Уже по смерти Скопина, Ляпуновъ явно возсталъ противъ царя Василія и началъ поговаривать о томъ, какъ бы «ссадить его съ престола». Теперь число его сторонниковъ значительно увеличилось. 7 іюля 1610 года заговорщики собрались на Красной площади. Красная площадь не могла вмѣстить всѣхъ собравшихся.

Ушли за Москву-рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ. Туда пріѣхалъ и патріархъ Гермогенъ. Начали говорить о сверженіи Шуйскаго. Противъ былъ Гермогенъ и немногіе бояре, большинство же рѣшило «ссадить царя».

Князь Воротынской отправился во дворецъ и отъ имени народа просилъ Шуйскаго оставить царство. Сначала Шуйскій покорился — уѣхалъ изъ дворца въ свой родовой домъ, но потомъ сталъ хлопотать, какъ бы вернуть престолъ. Тогда его схватили и постригли насильно въ монахи.

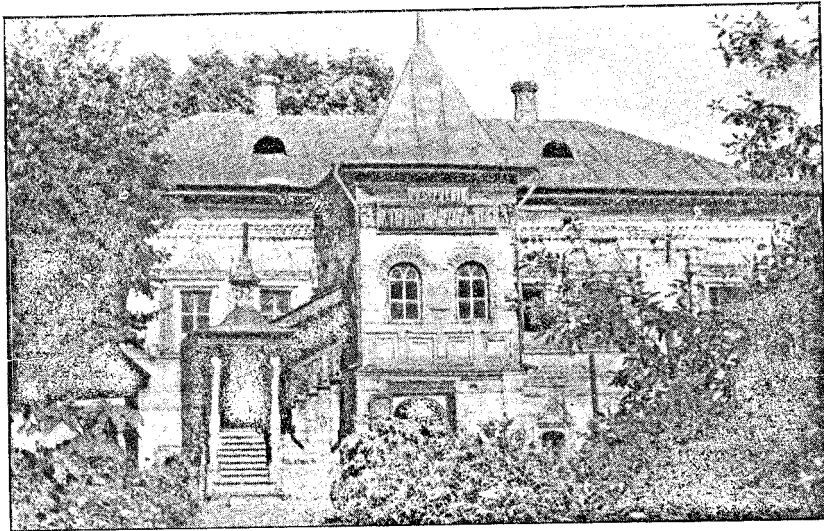
Междоусобица и избраніе Владислава. Правленіе временно перешло въ руки боярской думы. Тушинцы не сдержали своего слова — свергнуть «Вора», онъ требовали для него московскій престолъ. Сначала бояре рѣшили избрать царя «всеми городами, всею землею». Но такого собора нельзя было созвать: пока онъ собирался бы, враги завладѣли бы безсильной Москвой. Среди же москвичей появилась рознь, кого избрать царемъ — польскаго королевича Владислава или «Вора». Нѣкоторые, особенно патріархъ Гермогенъ, указывали на своихъ русскихъ людей, достойныхъ занять престолъ. Гермогенъ называлъ молодого Михаила Ѳеодоровича Романова, а другіе — князя В. В. Голицына. Знатнымъ боярамъ не хотѣлось изъ зависти видѣть на престолѣ русскаго боярина, поэтому они настаивали на избраніи Владислава, а чернь хотѣла имѣть царемъ «Вора», въ лицѣ котораго она видѣла врага ненавистнымъ ей боярамъ. Тогда бояре, пользуясь властью и боясь «Вора», призвали Жолкѣвскаго изъ Можайска въ Москву «освободить Москву отъ «Вора».

Прежде чѣмъ вступить въ Москву, Жолкѣвскій потребовалъ избранія Владислава. Подъ такимъ давленіемъ 27 августа 1610 года Москва присягнула Владиславу, и польскія войска вступили въ нее. «Воръ» опять былъ отгнень къ Калугѣ.

Въ основу договора объ избраніи Владислава были положены слѣдующія условія: королевичъ долженъ принять православіе, сохранить въ цѣлости на Руси православіе и стародавній московскій порядокъ; новый царь долженъ жаловать въ чины по стариннымъ обычаямъ; крѣпостное населеніе Московскаго государства должно было остаться за

своими господами; холопамъ вольностей царь давать не будетъ. Этотъ договоръ былъ отправленъ къ Сигизмунду съ великимъ посольствомъ, во главѣ котораго были поставлены митрополитъ ростовскій Филаретъ (отецъ М. Ѳ. Романова) и князь В. В. Голицынъ.

Изъ переговоровъ посольства съ Сигизмундомъ стало ясно, что король, во-первыхъ, не принимаетъ условій договора объ избраніи Владислава; во-вторыхъ, онъ не хочетъ отпустить въ Москву Владислава, а желаетъ самъ быть тамъ царемъ. Посольство всѣми силами старалось от-



Домъ Марины Мнишекъ въ Калугѣ.

стоять свои права, но все безуспѣшно. Сигизмундъ сталъ присылать въ Москву отъ своего имени приказы. Бояре уже не прочь были признать Сигизмунда московскимъ государемъ, но патріархъ и народъ шли рѣшительно противъ него, да и вообще противъ поляковъ.

Жолкѣвскій уѣхалъ изъ Москвы и увезъ съ собою въ качествѣ плѣнника бывшаго царя Василя Шуйскаго съ братьями. Безъ Жолкѣвскаго поляки держали себя въ Москвѣ какъ въ завоеванномъ городѣ — грабили и избивали

жителей. Возмущеніе противъ поляковъ возрасло. Взоры народа опять направились къ Тушинскому вору, но онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ приверженцевъ изъ-за личныхъ счетовъ.

Первое земское ополченіе. Со смертью Тушинскаго вора русскіе люди получили больше возможности соединиться для отпора полякамъ. Во главѣ движенія противъ поляковъ сталъ «начальный человѣкъ Московскаго государства» — патриархъ Гермогенъ. Несмотря на угрозы и притѣсненія своихъ гонителей — бояръ и поляковъ, онъ повсюду разсылалъ грамоты, призывая народъ ополчиться противъ польскихъ и литовскихъ людей, противъ «Сигизмунда короля». Со всѣхъ концовъ потянулись къ Москвѣ земскіе служилые люди. Скорѣ явился и отважный предводитель ополченія — то былъ Прокопій Ляпуновъ. Тушинцы и казаки подъ начальствомъ князя Дм. Трубецкаго и Заруцкаго теперь также присоединились къ ополченію.

1 апрѣля 1611 года къ Москвѣ подступила стотысячная русская рать и обложила Кремль и Китай-городъ. Поляки засѣли въ осаду, а вмѣстѣ съ ними и бояре, приверженцы Сигизмунда, которые считали ополченіе всей русской земли мятежнымъ скопищемъ. Гарнизонъ былъ невеликъ, запасовъ мало, а помощи отъ Сигизмунда ждать было нечего: онъ не могъ справиться со Смоленскомъ.

Главное управленіе всей русской землей перешло теперь отъ бояръ къ начальникамъ ополченія — Ляпунову, Трубецкому и Заруцкому. Но, къ сожалѣнію, согласія между ними не было. Ляпуновъ не хотѣлъ мириться съ грабежами, которые продолжали чинить казаки надъ мирными гражданами. Онъ хотѣлъ привести ихъ къ порядку. Казаки предательски зазвали его къ себѣ въ кругъ и убили.

Оставшись безъ предводителя, земское ополченіе стало расходиться по домамъ. Казаки продолжали стоять подъ Москвой.

Между тѣмъ Сигизмунду надоѣла неуступчивость великаго посольства, и онъ прибѣгъ къ насилію: московскіе послы были ограблены и плѣнниками отправлены въ Польшу. Паль и оплотъ русскихъ на Западѣ — гор. Смоленскъ.

Славнаго воеводу Шеина подвергли пыткамъ, чтобы узнать, почему онъ не сдавалъ городъ. Шведы захватили Новгородъ. Появились новые самозванцы. Казаки же, сдѣлавшись теперь правительствомъ Московскаго государства, воровства своего не оставили, ѣздили по дорогамъ станицами и добивали людей.

Печаль напала на русскій народъ. Люди надѣялись только на помощь Свыше — постились и молились. Разнесся



Всадникъ.

Урлаубъ.

слухъ о многихъ видѣнiяхъ, свидѣтельствовавшихъ, что Русь будетъ спасена. Спасенiе пришло съ береговъ родимой Волги, изъ города Нижняго-Новгорода.

Мининъ и Пожарскій. Въ это время былъ еще живъ патриархъ Гермогенъ, и слово его изъ кремлевскаго заточенiя доносилось до русской земли. Терпя обиды и притѣсненiя отъ поляковъ, онъ, не боясь своихъ мучителей, мужественно призывалъ русскую землю ополчиться противъ враговъ. Осенью 1611 года онъ посылаетъ грамоту въ Нижнiй Нов-

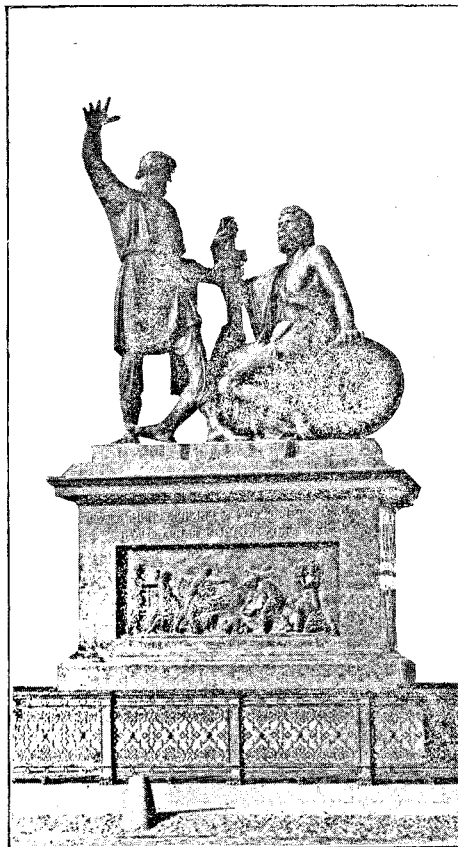
городъ архимандритамъ, игуменамъ и протопопамъ, и всему святому собору, и воеводамъ, и всему міру и въ этой грамотѣ предостерегаетъ ихъ противъ казаковъ подмосковныхъ, признавшимъ царемъ своимъ сына Марины Мнишекъ, котораго въ народѣ прозвали Воренкомъ. Нижегородцы немедленно распространили грамоту по другимъ городамъ и сговорились съ ними не признавать казачьяго царя и стоять противъ него единодушно.

Въ Нижемъ-Новгородѣ нашелся и тотъ вождь, который могъ поднять и повести людей на спасеніе государства отъ всѣхъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Жилъ тамъ мясной торговецъ Кузьма Мининъ, человѣкъ простой и небогатый, но извѣстный всѣмъ своей честностью и уважаемый во всемъ посадѣ. Служилъ онъ въ земскихъ старостахъ по выбору посадскихъ людей, т.-е. завѣдывалъ судомъ и сборомъ податей. Началъ онъ убѣждать нижегородцевъ и посадскихъ людей, и духовенство, и воеводъ деньги собирать и новое ополченіе готовить. Собралъ вокругъ себя единомышленниковъ, Мининъ порѣшилъ съ ними начать дѣло.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ колокольнымъ звономъ собрали въ соборную церковь народъ, протопопъ Савва прочиталъ грамоту отъ Троицкаго монастыря, призывавшую народъ на поляковъ, и рѣчь сказалъ, а послѣ него Мининъ: «Захотимъ», говоритъ онъ, «помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ». И поднялись нижегородцы по слову Минина, стали частыя сходки собираться, и люди спрашивали Минина: «Что же намъ дѣлать?»—«Ополчаться», отвѣчалъ онъ, «сами не искусны въ ратномъ дѣлѣ — такъ станемъ кличь кликать по вольныхъ служилыхъ людей».—«А казны намъ откуда взять служилымъ людямъ», спрашивали его, а онъ отвѣчалъ, что надо собирать со всѣхъ. Порѣшили на первый разъ собирать третью деньгу, т.-е. третью часть имущества, а кто волей не хотѣлъ давать, у того брали силою; но многіе давали больше, чѣмъ требовали.

За Нижнимъ потянулись и другіе города, составляли такіе же приговоры, деньги собирали, присылали ихъ въ Нижний. Стали отовсюду стекаться ратные люди, и дѣло теперь стало только за начальникомъ ополченія, за воеводою. Мининъ и воеводу указалъ и посовѣтовалъ выбрать князя Пожарскаго. Въ то время онъ жилъ верстахъ въ ста отъ Нижняго въ своей суздальской вотчинѣ и лѣчился отъ ранъ, которыя получилъ въ битвѣ съ поляками подъ Москвою, гдѣ начальствовалъ передовымъ отрядомъ въ освобожденіи Ляпунова. Князь Пожарскій былъ извѣстенъ своею прямою, вѣрно служилъ прежнимъ царямъ, съ врагами государства не сносился, слылъ за хорошаго воеводу и въ нижегородской области по роду своему былъ самымъ виднымъ человѣкомъ. Къ нему-то теперь отправили нижегородцы посольство изъ всѣхъ чиновъ лучшихъ людей, и Пожарскій согласился, только по-

требовалъ, чтобы въ помощь ему выбрали человѣка, который бы съ нимъ у такого великаго дѣла былъ и казну собиралъ, и самъ указалъ на Минина. Нижегородцы такъ и сдѣлали, выбрали Минина и по его требованію приговоръ написали: «Стоять за истину всѣмъ безызмѣнно, къ



Памятникъ Минину и Пожарскому въ Москвѣ.

начальникамъ быть во всемъ покорными и послушными и не противиться имъ ни въ чемъ; на жалованье ратнымъ людямъ деньги давать, а денегъ не достанетъ — отбирать не только имущество, а и дворы, и женъ и дѣтей закладывать, продавать, а ратнымъ людямъ давать, чтобы имъ скудости не было».

Отъ имени начальниковъ ополченія пошли по всей русской землѣ грамоты, призывавшія ратныхъ людей, и вездѣ встрѣчались съ радостью. Не на радость нижегородское дѣло было только боярамъ, служившимъ Сигизмунду и казакамъ, стоявшимъ подъ Москвою. И тѣ и другіе старались всячески помѣшать ему и разстроить его. Когда ополченіе Пожарскаго выступило изъ Нижняго въ началѣ 1612 года и двигалось черезъ Кострому, то костромскій воевода не хотѣлъ было его въ городъ пустить. Но сами костромичи поднялись противъ своего воеводы и хотѣли его убить, такъ что Пожарскому пришлось спасать его. Ополченіе прибыло, наконецъ, въ Ярославль, отбивая по дорогѣ города у казаковъ. Здѣсь самому Пожарскому грозила бѣда отъ казаковъ. Разъ когда воевода стоялъ у дверей дома и смотрѣлъ пушки, которыя уже отправлялись къ Москвѣ, подосланный атаманомъ Заруцкимъ казакъ кинулся на него съ ножомъ, но промахнулся и ранилъ стоявшаго рядомъ съ Пожарскимъ воина. Въ Ярославлѣ ополченіе простояло долго, устраивая дѣла и свои и всей земли. Отъ всѣхъ городовъ собирались сюда выборные люди и общимъ совѣтомъ укрѣпляли дѣло. Помимо казаковъ, о которыхъ пришли вѣсти, что они присягнули новому самозванцу, Псковскому вору, беспокоили и шведы, владѣвшіе Новгородомъ. Съ ними вели до времени переговоры, чтобы отъ нихъ не встрѣтить помѣхи дѣлу.

Между тѣмъ пришла вѣсть, что къ Москвѣ на помощь полякамъ слѣзъ гетманъ Ходкевичъ. Пожарскій тотчасъ же поспѣшилъ къ Москвѣ. Въ концѣ іюля пришли сюда первые полки ополченія и по приказу Пожарскаго стали отдѣльно отъ казачьихъ таборовъ. Среди казаковъ пошли волненія, и Заруцкій съ половиною войска убѣжалъ въ рязанскія земли, а другой начальникъ казачьихъ табо-

ровъ Трубецкой съ своими казаками остался, но ополченію плохо помогать. 20 августа пришелъ къ Москвѣ и самъ Пожарскій съ главными силами и расположился станомъ у Арбатскихъ воротъ, чтобы загородить Ходкевичу доступъ къ Кремлю. Ходкевичъ, стоявшій въ это время на Поклонной горѣ, переправился у Дѣвичьяго монастыря черезъ Москву-рѣку и напалъ на полки Пожарскаго. Крѣпко стояли русскіе воины, отражая нападенія польской и венгерской конницы, и послѣ семичасового боя отбили Ходкевича. Тогда поляки отступили, переправились у Донского монастыря на другой берегъ рѣки и задумали пробраться къ Кремлю со стороны Замоскворѣчья, гдѣ стояли казаки. Пожарскій также переправилъ свои полки за рѣку и снова встрѣтилъ поляковъ. Страшный бой закипѣлъ въ Замоскворѣчьи 24 августа. Русскіе воины долго бились и уже изнемогали; на этотъ разъ помогли и казаки, но день уже склонялся къ вечеру, а побѣды все не было. «Тогда, — говоритъ лѣтописецъ, — Господь охрабрилъ слабаго и неискуснаго къ ратному дѣлу Кузьму Минина». Попросилъ онъ у Пожарскаго часть воиновъ и ударилъ съ ними на отдѣльно стоявшія польскія роты. Тѣ побѣжали, преслѣдуемые русскими, и, увидѣвъ это, остальные русскіе полки кинулись бодро на гетманскія войска и погнали ихъ передъ собою. Гетманъ отступилъ и на другой день совѣмъ ушелъ отъ Москвы.

Теперь участь поляковъ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ, была рѣшена, помощи имъ ждать было уже нечего. Они испытывали въ это время страшный голодъ, но сдаться долго не хотѣли. Сначала они выпустили боярскихъ женъ и дѣтей, чтобы не тратились на нихъ съѣстные припасы, наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ сдались и сами: Кремль, Китай-городъ и вся Москва были, наконецъ, очищены отъ враговъ.

Не дожилъ до этой радости только печальникъ русской земли патріархъ Гермогенъ: заключенный поляками въ темницу и замученный голодомъ, онъ умеръ, не увидѣвъ свѣтлаго дня освобожденія Москвы отъ враговъ.